

3. После первого „знамения“ (в церкви св. Софии) царь отказывается покинуть город по совету патриарха и вельмож, мотивируя этот отказ: „Аще господь бог наш изволил тако, [всем нам погибнуть], како избегнем гнева его?“ (453).

4. После удачного отражения турок от пролома в стене и вытеснения проникших в город врагов составитель и в этом случае находит нужным прибавить: „Недци сказаша, яко и сам царь в сердце своем вознесся, но и отшествие поганых чаяху, не ведяху бо божия изволения“, т. е. предопределения, что царю и грекам суждено погибнуть (456).

5. Хотя царь и отборные его воины прогнали ворвавшихся в город врагов, „но аще бы и горами подвизали, божия изволения не премочи“ (457), и действительно: Магомет двинул новые войска.

Этой идеологией объясняется благочестивое настроение всей повести (как и других повестей того же времени). Главный герой повести, царь Константин, рисуется не только как отважный, могучий воин, но и прежде всего как благочестивый религиозный человек, делящий свое время между боевыми подвигами, командованием и подвигами религиозными — хождением по церквам и „богомолениями“. Так появились в повести многочисленные, обширные подчас, молитвенные обращения, которые влагаются в уста не только царя и, конечно, патриарха, но даже (однажды, впрочем; 447—448) в уста кондотьера Зустунея.

Такие молитвы (притом большей частью шаблонные) — характерная черта воинской повести первой половины XVI века. Их мы находим в таком же сочетании с остальным содержанием, например, в повести о Динаре, сказаниях о Дмитрие Ивановиче, истории взятия Казани, поздних редакциях повестей о батыевщине и мн. др. Они точно отражают не только настроение авторов, но и взгляд той поры на самую сущность борьбы с неверными: борьба с политическими врагами русского государства — одновременно борьба за веру православную против язычества.

Сближают нашу повесть с воинскими повестями и „знамения“, часто входящие в состав таких повестей, вмешательство небесных сил в самый ход событий. В большинстве случаев это помощь, предвещание о победе (например, в сказаниях о Невском побоище и о Куликовской битве), в нашей повести наоборот: напоминание о предстоящей гибели греков.

Черты, типичные для XV и особенно XVI века, сказались в нашей повести и в разработке картин боя. В связи с тем, что вторая половина XV века была уже веком огнестрельного оружия и значительного развития военной техники, составитель повести в боевых эпизодах постоянно вводит новую, хорошо ему знакомую терминологию военного дела. В его рассказе пестрят: пушки, пищали, стенобитные „хитрости“ (446, 447), луки ручные (446), зелейники (казенная часть оружия, 448), зелие пушечное (449), сосуды зелейные (снаряды для взрывов, 450), стенобитные сосуды (7), козни приступные (орудия для приступа, 447, 452), башты (451, 455), грады деревянные (то, что позднее называлось „гуляй-город“; 30), забрала (448), стрельницы (446), окна (7, 38), колоколы ратные (446); пещцы, конники (22). Он говорит о том, как „нарядили“ или „наводили“ пушки, как осажденные „уготоваше многиа съсуды, наполняюще смолиа и серы горячиа, и посконь с смолюю и зелием пушечным“ (449) и т. п.

Многочисленные обобщенные описания битв отличаются в повести широким употреблением эмоциональных эпитетов, характеризующих напряженность борьбы.